

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №16 ГАЗЕТА

Александр Кердан / Последний чекист

Владимир Солоухин, как и большинство русских писателей, не вписался в перестройку. В девяностых годах он был задвинут на патристическую обочину литературной жизни. Это было объяснимо: в документальной книге «Солёное озеро» Солоухин эмоционально и ярко описал зверства красных карателей под водительством юного Аркадия Гайдара в Хакасии. «Наезда» даже не на любимого советской детворой писателя, а на саму фамилию Солоухину не могли простить тогдашние реформаторы, чьей иконой был Егор Гайдар. Коммунисты в свою очередь не одобрили антиленинского иссле-

дования Солоухина («При свете дня»), где тот изобразил вождя мирового пролетариата врагом и разрушителем исторической России.

Начинал Владимир Солоухин, как поэт, но позже перешёл на прозу. Он был необратимо русским писателем по языку, характеру, мыслям и поведению. Собственно, главной темой творчества для него стала сама его жизнь, на протяжении которой его отношение к действительности претерпело ряд удивительных, но типичных для русского характера изменений. В описании преодоления глубоких внутренних противоречий Солоухин был предельно искрен-

нен и порою беспощаден к себе. Это делало его произведения зеркалом, куда смотрелись миллионы читателей, испытывающие схожие чувства, переживающие аналогичные сомнения относительно социализма и того, что позже назовут «совком».

У Владимира Солоухина была счастливая судьба человека из народа (родился в селе Алепино Владимирской области), которому Советская власть дала всё и даже больше. В 1942 году его призвали в армию, но он оказался не на фронте, а в охране Кремля. После войны поступил в Литературный институт, занимался в семинаре поэта Владимира Лугов-

ского. О сталинском послевоенном времени (на глазах Солоухина был арестован его сосед по комнате в общежитии поэт Наум Коржавин) он написал пронзительный роман «Мать-мачеха», подвергнутый суровой официальной критике. В этом романе он предельно ясно выразил своё понимание России как бесконечно любимой матери и — одновременно — жестокой мачехи. В пятидесятых годах Солоухин — корреспондент ведущего советского иллюстрированного журнала «Огонёк». Он вступает в КПСС, в Союз писателей, начинают выходить его поэтические и прозаические сборники. В книге «Владимирские

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор

Юрий Козлов

Редакционная

коллегия:

Дмитрий Белюкин

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Ответственный

редактор

Елена Русакова

Права

на использование

товарного знака

«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2024

Все права защищены

Журнал зарегистрирован

в Министерстве связи

и массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-68350

от 30.12.2016 г.

Подписаться

на журнал «Роман-газета»

можно в отделениях связи

и через Интернет:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные

индексы издания:

в объединенном

каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может

не совпадать с позицией

редакции

2024 № 16 /1957/ Основана в 1927 г.

Александр Кердан

Последний чекист

Роман

Так оно и вышло. Не успел он дойти до кабинета, как его осенила идея использовать прошлогоднюю запись разговора Сафронова с Михасиком. Эту запись он получил при помощи «пуговки», незаметно опущенной Сатрапу под подкладку пальто и так же незаметно потом извлечённой оттуда техслужбой.

Сазонов быстро написал план действий по нейтрализации угрозы со стороны Сатрапа, утвердил его у Виктора Леонардовича и немедленно приступил к исполнению.

Прежде всего извлёк из своего сейфа все кассеты с записями «прослушки» по делу Сатрапа. Хранил их, чтобы ещё раз прослушать и выбрать те, которые можно легализовать и передать следствию. Свидетельством, которое примет суд, становились только те записи, которые были рассекречены в установленном порядке. Все остальные могли быть только подсказкой для следователей и судей о том, что на самом деле происходило с задержанным в то или иное время, с кем он общался и что говорил.

Плётка переговоров Сафронова с Михасиком относилась как раз к этой категории. Использовать её в суде, чтобы не светить секретную разработку, было нельзя, но повлиять на Сатрапа с её помощью представлялось Сазонову вполне реальным. Он отдавал себе отчёт, что Сафронов — тёртый калач, его на мякине не проведёшь. Разговор предстоит непростой, и важным аспектом в нём является то, что Михасик в настоящее время скрывается в Швейцарии и быстро связаться с ним у Сафронова не получится. Тем более в Москву поступил запрос от швейцарских правоохранителей, в котором просили подтвердить принадлежность Михасика к криминальному сообществу.

Прежде чем отправиться в СИЗО и напомнить Сафронову памятный разговор с лидером солнцевских братков, Сазонов встретился с одной из любовниц Сатрапа — сотрудницей адвокатской конторы № 7 по фамилии Урина.

Сазонов вызвал её к себе ещё накануне. Урина в деле Сатрапа проходила как свидетельница и приглашение в Контору восприняла спокойно.

Она должна была опознать голос Сатрапа на одной из записей, но почему-то заупрямилась, и следователь Генеральной прокуратуры Гуженков попросил Сазонова провести с ней профилактическую беседу.

Окончание. Начало см. в № 15 за 2024 год.

Урина пришла в назначенное время, уселась на предложенный стул, всем видом показывая, что Сазонов ничего от неё не добьётся. Желая сделать эту замужнюю даму бальзаковского возраста сговорчивей, Сазонов включил запись из квартиры Сафронова, где протекало одно из любовных свиданий, в котором она и Сафронов были главными действующими лицами.

Запись была довольно качественной, и голоса Уриной и Сафронова явственно различимы.

— Вы можете подтвердить, что мужской голос на плёнке принадлежит Михаилу Ивановичу Сафронову, а женский — вам? — спросил Сазонов.

— Нет, не могу. Я не знаю звучащие на плёнке голоса.

— Но это же вы, Матильда Павловна...

— Нет, это не я.

Сазонов снова нажал на клавишу магнитофона, и кабинет наполнился звуками любовных утех.

— Хорошо, — загадочно сказал он. — Тогда мне придётся пригласить для опознания вашего уважаемого супруга. Думаю, он сумеет отличить голос собственной жены от всех остальных...

Урина вспыхнула:

— Ну зачем вы так сразу? Не надо никуда моего мужа вызывать! У него большое сердце... Я согласна сотрудничать.

— Вот и хорошо, — одобрил её решение Сазонов. — Тогда договоримся так. Завтра вас, Матильда Павловна, пригласят в Генеральную прокуратуру, чтобы зафиксировать в официальном протоколе, что вы опознали голос Михаила Ивановича Сафронова. После чего ваши голоса отправят на фоноскопическую экспертизу. Надеюсь, вы не откажетесь от своих слов или всё же надо вызывать туда и вашего супруга?

Урина гневно зыркнула на него, словно хотела испепелить своим взглядом, но подтвердила, что голос Сатрапа завтра опознает под протокол и присутствие её мужа для этого совсем необязательно.

— Я рад, что мы поняли друг друга, Матильда Павловна... — Сазонов тут же позвонил следователю Гуженкову и сообщил ему, что свидетельница Урина обещала сотрудничать со следствием и на завтра для неё можно заказывать пропуск.

Прежде чем расстаться с Уриной, Сазонов проделал ещё один эксперимент, носящий скорее иррациональный характер: он неожиданно предложил свидетельнице прослушать запись, сделанную на пустыре, и опознать звучащие на ней голоса. Она уверенно указала, что один из голосов на плёнке принадлежит Сафронову, а второй ей вовсе незнаком.

Сазонов воспринял слова Уриной с чувством удовлетворения: она выступила как независимый опо-

знаватель, и это обстоятельство придавало ему перед разговором с Сафроновым дополнительную уверенность, что цель, которую он поставил перед собой, будет достигнута.

В приподнятом настроении Сазонов поехал в «Лефортово».

Оперативники, с которыми он подружился ещё по делу «оборотней», встретили Сазонова радушно и выделили ему для беседы с подследственным самое лучшее помещение.

— Эта допросная, Михаил Иванович, у нас только для высших чинов. Здесь недавно следователи из Генпрокуратуры Хасбулатова с Руцким допрашивали... — доверительно шепнул старший опер, пока Сазонов ожидал, когда приведут Сафронова. — Но для лучших друзей, как говорится, нам ничего не жалко! Обращайтесь, всегда поможем...

Сатрап, войдя в допросную, сразу узнал Сазонова и даже как будто не удивился тому, что видит именно его.

— Здравствуйте, гражданин начальник, — поздоровался он, с ухмылкой разглядывая Сазонова. — А я ведь ещё в первую нашу встречу понял, что вы — конторский.

Пребывание в СИЗО не прошло для Сатрапа даром. Некогда румяное, округлое лицо его посерело и осунулось, на щеках — седоватая щетина, но взгляд остался по-прежнему острым, колючим...

Сазонов сухо поздоровался и предложил присесть на привинченный к полу табурет.

— Михаил Иванович, давайте, не будем ходить вокруг да около. Перейдём сразу к делу...

— А мне вообще-то торопиться некуда, гражданин начальник, — снова, как опытный сиделец, отозвался Сафронов.

Сазонов сказал негромко, но внушительно:

— Ваш хороший знакомый — господин Михасик находится сейчас в Швейцарии... Вы, гражданин Сафронов, надеюсь, понимаете, что он покинул Россию совсем не для того, чтобы любоваться видами Женевского озера. Это явилось вынужденной мерой. Мы не будем сейчас говорить о причинах, побудивших вашего знакомого перебраться за «бугор». Куда важнее то, что швейцарская полиция на днях предъявила господину Михасику обвинение в отмывании доходов, полученных криминальным путём, и одновременно обратилась к нам с просьбой предоставить им доказательства преступной деятельности этого господина в России. Как вы, наверное, догадываетесь, мы давно наблюдаем за деятельностью господина Михасика и возглавляемой им ОПГ, а посему обладаем довольно обширными материалами, свидетельствующими о такой противоправной деятельности. В том числе связанной с ва-

ми, Михаил Иванович. Послушайте, пожалуйста, одну запись.

Сазонов включил портативный магнитофон, и в допросной зазвучали голоса Михасика и Сатрапа.

Сафронов выслушал запись с каменным лицом.

— Вы узнаете кого-то на этой записи? — строго спросил Сазонов.

— Нет, не узнаю...

Сазонов едва заметно улыбнулся:

— Что ж, не свидетельствовать против себя — это ваше право... Я думаю, что вам и впрямь нет никакого дела до того, что правоохранительные органы Российской Федерации документы и аудиозаписи, изобличающие господина Михасика, отправят швейцарским коллегам... И я вас отлично понимаю: каждый несёт персональную ответственность за совершённое им. Но ситуация такова, что вам, Михаил Иванович, всё-таки лучше узнать говорящих и отнестись к моим словам со вниманием... Ведь сейчас у вашего знакомого не самые лёгкие времена. Он нервничает, напряжён, у него серьёзные проблемы со швейцарским правосудием. Как вы думаете, что будет, если я отправлю эту запись не коллегам в Швейцарию, а самому Михасику? Поверьте, у нашего ведомства отыщутся каналы, чтобы это сделать быстро и минуя официальные власти.

Сафронов сидел неподвижно, но бегающие за стёклами очков глазки свидетельствовали о напряжённой мыслительной работе.

Сазонов выдержал паузу и продолжил в той же доверительной манере:

— Догадайтесь, о чём подумает господин Михасик, не знающий доподлинно, из-за чего у него возникли проблемы в Женеве, когда прослушает эту запись, пришедшую к нему из России нелегальным путём? Очевидно, он начнёт размышлять, не связаны ли с ней напрямую его нынешние трудности, и конечно же задастся вопросом, кто сдал его швейцарской полиции? Вы — человек опытный, поэтому понимаете, на кого из своих знакомых он подумает в первую очередь? Однозначно — на того, кто с ним находился во время разговора один на один на пустыре за Московским торговым центром. Он припомнит, что сам лично запись вашего разговора не вёл, вас предварительно проверил детектором на наличие «прослушки», да ещё и отвёл подальше от машины... Больше ведь никаких свидетелей вашего разговора не было... Так какой же вывод сделает господин Михасик, находящийся в нервном состоянии из-за трудностей, возникших у него теперь? Вы, Михаил Иванович, знакомы с господином Михасиком много лет и понимаете, что он со стопроцентной уверенностью подумает, что именно этот собеседник, голос которого вы никак не хотите узнать, его и

сдал. И захочет спросить с него так, как он умеет делать. Надеюсь, вы догадываетесь, что никакие стены даже самого охраняемого СИЗО вас не защитят...

— Это не мой голос на плёнке, — упорно, как мантру, выдал Сафронов. — Вам никто не подтвердит, что это мой голос.

— Ну, зачем же так категорично? Во-первых, на записи голос ваш, и у меня есть свидетельница, готовая подтвердить этот факт. Она уже сегодня это сделала во время нашей беседы, а завтра сделает это под протокол. Во-вторых, господину Михасику никаких доказательств для подтверждения подлинности записи не надо, он ведь сам в разговоре участвовал... Я снова уповаю на то, что вы его характер знаете: он разбираться не станет. Даст команду и... — Сазонов улыбнулся так широко, как только мог, и посмотрел на потолок допросной, показывая Сафронову, что возмездие может прилететь хоть откуда.

Сафронов заметно напрягся, спросил с вызовом:

— Чего вы от меня хотите, гражданин начальник? Чтобы я сознался во всех тех абсурдных обвинениях, которые мне предъявляют? Это ж надо, срок каких-то нелепых эпизодов на меня вешают... Вы вроде бы человек вменяемый, скажите, почему меня сразу не арестовали, а копили эти дурацкие эпизоды? Задача ФСК — пресекать преступления, не допускать их, профилактировать тех, кто может коррупционные преступления совершить... Я в Верховный суд жалобу на вашу Контору накатаю, почему меня сразу не взяли, а тянули с арестом, пока не набрали целый вагон недоказанных эпизодов...

— Ну, доказывать — это не моя ипостась. Доказательствами занимается Генеральная прокуратура. А жалобы писать — ваше право. Только я бы вам этого не советовал, как человеку столь же вменяемому...

— Что же тогда вам от меня надо? — прищурился Сатрап, своим взглядом-буравчиком пытаюсь проникнуть к Сазонову под черепную коробку.

— Я убедительно прошу вас, Михаил Иванович, чтобы вы сидели ровно, дышали в две дырочки и больше не помышляли ничего подобного, — строго сказал Сазонов, протягивая Сафронову копию явки с повинной, написанную Парусовым.

Сафронов, шевеля губами, начал читать. По мере прочтения его серое лицо пошло багровыми пятнами.

Сазонов оценил произведённый эффект: «Знает ведь, гадёныш, что покушение на жизнь сотрудника Конторы вкуче со всем остальным ему расстрелом грозит... Неужели и теперь не дрогнет?»

Но Сатрапа пробрало.

— Я всё понял, гражданин начальник... Прошу прощения... Клянусь, что с этого дня буду сидеть ровно и дышать в две дырочки... — как проштрафив-

шийся школьник пробормотал он и попросил отпустить его в камеру.

3

Как-то один писатель сравнил коррупцию с нездоровым подкожным жиром, блокирующим деятельность государственного организма, не давая ему развиваться и функционировать нормально. Для борьбы с этим бедствием «инженер человеческих душ» предложил ни много ни мало, а сделать липосакцию, то есть «нездоровый жир» откатать — реквизируют всё наворованное. Но вот куда пойдут «откатанные» миллионы и миллиарды коррупционных денег, писатель не уточнил.

Сазонов понимал, что в современных условиях деньги, изъятые у одних коррупционеров, немедленно пойдут в карманы к другим коррупционерам из соседних начальственных кабинетов.

Борьба с коррупцией напоминала Сазонову прополку сорняков. В детстве вместе с братьями ему приходилось освобождать родные грядки от назойливых сорных трав. Работа — нудная, утомительная — всё время на карачках и в наклон, и главное — бесконечная: только очистишь грядки, а через пару дней опять торчат между полезных растений мокрица, сурепка, пырей, лебеда... И снова надо выдирать сорняки, пока не созрели у них семена, и, упав на землю, не наплодили новых побегов... Тут, срубая макушки и срезая мясистые стебли тяпкой, не справишься — дурную траву надо вырывать руками, выкорчёвывать вместе с корнем.

Но всем отечественным сорнякам далеко оказалось до борщевика, завезённого на Среднерусскую равнину из предгорий Кавказа как новая силосная культура... Никита Хрущёв вознамерился при помощи борщевика увеличить заготовку комбикорма и обогнать США по надоям молока и производству мяса. К чему привело это новшество, Сазонов увидел на примере родного совхоза. В хозяйстве выполнили неразумное указание ЦК, потом с борщевиком на полях боролись десятилетиями: скашивали, выкорчёвывали — он вырастал вновь; травили химикатами, вымораживали, жгли — ему всё нипочём. С совхозных полей эта нечисть подобралась и к огородам селян.

Борщевик казался подобным сказочному дракону, у которого вместо одной отсечённой головы вырастают сразу три. Схватишься за стебель голый рукой, получишь ожог, а уж белое «молочко», выступающее на срезе, — самый настоящий яд! Сражения с борщевиком отнимали у юного Сазонова и его братьев много сил...

Вот и сейчас — такая же упорная, по сути, бесполезная работа: обезвредишь одного взяточника, на его месте появляются несколько других... Доверенные ему под присмотр «милицейские грядки» надо было очищать от всех этих Баринов, Пиратов, Сатрапов с поделщиками...

За Сазоновым закрепилось прозвище — «гроза ментов». Он видел, что не все сотрудники милиции, Следственного комитета и Прокуратуры, в силу разных жизненных обстоятельств или изъянов в воспитании, смогли справиться с искушением сразу и много заработать, но понимал, что в основной своей массе они закону — не враги, а союзники. Те же, кто ненароком оказался вовлечённым в круг «оборотней в погонах», способны раскаяться, осознать свою вину и начать сотрудничать со следствием...

Таких примеров в деле Сатрапа было немало. Скажем, начальник Следственного отделения по расследованию преступлений, связанных с организованной преступностью, Следственного управления УВД Восточного административного округа Москвы Фатьянов. Сначала он охотно выполнял просьбы Лошадёнка, способствовал ему в развале дела Ракитина и получал деньги, но в дальнейшем заявил, что полностью признаёт свою вину, что не ведал того, что творил, когда доверился Лошадёнку как представителю Следственного Главка, и дал на него все необходимые показания. В результате чего сам избежал уголовного преследования.

Ещё одна «жертва желания улучшить своё материальное положение» — помощник межрайонного прокурора Коротких. Она упирала на то, что является матерью-одиночкой, воспитывает двоих несовершеннолетних детей, а пойти на нарушение закона её побудила одна лишь нужда. Сазонов убедил эту запутавшуюся даму явиться в Генеральную прокуратуру с повинной.

Коротких пришла к следователю и заявила, что хочет сообщить об известных ей правонарушениях в системе правоохранительных органов, назвать имена всех сотрудников, кто давал и получал взятки за вынесения угодных взяткодателям наказаний для тех или иных подсудимых. Она раскрыла условные слова, используемые Сатрапом и его поделщиками в переговорах друг с другом. Суд назывался у них «оркестром» (например, «Солнцевский или Преображенский оркестр»), судебное заседание — «концертом», прокурор фигурировал как «солист», судья именовался «дирижёром», фигуранты значились «артистами», а денежные средства именовались «коробками конфет», «букетами цветов» и «рулонами обоев»...

Среди «раскаившихся грешников» был и подполковник милиции Коптин, один из руководителей

Института повышения квалификации сотрудников МВД в Домодедово... Он, по примеру заместителя начальника солнцевского уголовного розыска Тимошенко, взял деньги для организации развала одного из уголовных дел, но конкретных шагов для реализации поручения не предпринял.

— Деньги мне были очень нужны для лечения матери... — оправдывался он.

Посоветовавшись, Сазонов и следователь Мартышин решили, что роль Коптина в паутине Сатрапа являлась несущественной и сажать его не стоит, учитывая предыдущую честную службу... Конечно, если он будет помогать в раскрытии дела.

Сазонов к девяти часам утра вызвал Коптина к себе на Лубянку и лично отвёл к Мартышину, который сидел в здании областной прокуратуры в Малом Кисельном переулке. Всё это было рядом с большим комплексом зданий, принадлежащих Конторе, где Сазонов трижды учился на курсах и где в годы войны на пятимесячных курсах обучался его дядя чекист, боец с бандеровцами Макар Григорьевич.

Передав Коптина с рук на руки следователю, Сазонов вернулся к себе, с головой погрузился в решение других насущных вопросов. Как обычно, засиделся дотемна и собрался уже поехать домой, когда позвонил Мартышин и попросил срочно прибыть к нему. Оказалось, что Коптин не только отказался сотрудничать со следствием, но «пошёл в полное отрицание и в несознанку».

— Весь день вдалбливаю ему, высококвалифицированному юристу, что надо сотрудничать, а он ни в какую! Объясняю, что Сафронов и Лошадёнков уже находятся в СИЗО, а другие подельники, показавшие на него, живут под подпиской о невыезде. Говорю: ты ведь тоже на нары пойдёшь, а он не верит... — пожаловался Мартышин Сазонову в коридоре, умышленно оставив открытой дверь в кабинет, где сидел Коптин. — Давай-ка, Михаил Иванович, определяй его в «Лефортово»...

— Юрий Иванович, да как же я клиента в «Лефортово» на ночь глядя смогу определить? — подыграл ему Сазонов. — Разве что в изолятор временно содержания МВД, на Петровку... Правда, там запахи стоят такие, что нос воротит...

— Ну, ты уж постарайся, — подмигнул ему Мартышин, — да, побудь пока с задержанным, а я схожу к коллегам, кофейку хлебну. Весь день маковой росинки во рту не было...

— Не забудьте, Юрий Иванович, у заместителя Генпрокурора бумаги подписать для оформления нашего клиента на новое место жительства... — Сазонов прошёл в кабинет следователя, сел на его место и начал демонстративно по телефонам оперативной связи названивать в «Лефортово» и на Петровку.

Коптин сидел на стуле разваливаясь, мол, сам мент, знаю все эти штучки — один блеф.

Но спеси в нём заметно поубавилось, когда Сазонов договорился с руководством «Лефортово» о размещении задержанного Коптина в общей камере и позвонил Виктору Леонардовичу:

— Товарищ полковник, прошу прислать машину к областной прокуратуре, и пусть охрана оружие для меня захватит и наручники для задержанного...

Спустя полчаса на пороге кабинета Мартышина возникли майоры Андрей и Сергей, с пистолетами под мышкой, с наручниками и в весьма раздражённом настроении — начальник вернул их на службу уже по дороге домой.

Тут Коптин вовсе сник.

— Вы не могли бы перенести допрос на завтра? — обратился он к Сазонову. — Утро вечера мудренее... Я ещё раз всё обдумываю дома и, наверное, буду сотрудничать со следствием...

— Увы, гражданин Коптин, на завтра разговор перенести не получится: или вы прямо сейчас всё решаете со следователем, ведущим дело, или поедем в СИЗО...

— По закону следователь не имеет права меня допрашивать ночью... — как за последнюю соломинку ухватился Коптин за правовые познания.

Мартышин, вошедший в этот момент в кабинет, добродушно заметил:

— Но вы же сами стали настаивать на явке с повинной в такой неурочный час... Как я мог отказать законопослушному гражданину в его желании помочь органам следствия?

И Коптин тут же превратился из обвиняемого в коррупцию в добропорядочного свидетеля...

Сопоставляя характеристики людей, с которыми ему пришлось столкнуться по делу Сатрапа, Сазонов вдруг вспомнил оценочную шкалу инженера авиаэскадрильи Радченко, с которым служил в пограничной авиации. Великий выдумщик, Радченко всех своих сослуживцев оценивал по шкале — от амёбы до альбатроса, для отдельных особей находя промежуточные хлёсткие эпитеты: «амёба обыкновенная», «неразумное беспозвоночное», «активное членистоногое», «баклан громогласный», «истинный буреветник» и «сильнейший альбатрос». К самой достойной категории «альбатросов» он относил асов-вертолётчиков Колю Гаврилова и Виктора Захарова. «Буреветником» называл замполита эскадрильи Сазонова. А «беспозвочным талантливим» окрестил прапорщика Лащова, известного бабника, пьяницу и художника, лучше которого никто во всём гарнизоне не умел пририсовывать новые звёзды на груди бровастого Генсека и его седовласых товарищей по Политбюро.

Сазонову вдруг пришло в голову, если оценочную шкалу «отзеркалить», сделать со знаком минус, перевернув, как пирамиду, вершиной вниз, то она вполне подойдёт для характеристики «оборотней в погонах», которых ему приходится выкорчёвывать. На своей схеме по делу Сатрапа он простым карандашом дописал в кружках с фамилиями фигурантов соответствующие метафоры: Коротких — «амёба обыкновенная», Янковская — «амёба подлая», Клёстов — «криминальное членистоногое», Лошадёнков — «баклан обыкновенный». Сатрап конечно же в этой иерархии заслужил звание «алчного альбатроса», а Жихареву лучше всего подошло прозвище «буревестник вербовочный»...

Полковник милиции Жихарев в деятельности «преступного синдиката», как газетчики окрестили группу Сафронова, играл важную роль — участвовал в отборе и вовлечении в криминальную деятельность слушателей своего вуза и его выпускников, которые могли оказаться полезными в развале уголовных дел, запутывании расследования и принятии неправомερных решений...

У Сазонова на этого правоведа, профессора и доктора наук давно руки чесались. Была в наличии запись «прослушки», на которой Жихарев с Сатрапом обговаривали, как наказать одного из соседей полковника по даче. Сосед, между прочим, являлся криминальным авторитетом, и сей факт Жихареву мешал спокойно спать. Сначала решили при помощи слушателей школы милиции похитить сына авторитета, его самого выманить в условленное место и в конце концов обоим сжечь... Для любого другого наличия такой записи было бы достаточно, чтобы надолго видеть небо в клеточку. Но уж больно высокие покровители у Жихарева имелись: Морщаков из Конституционного суда и кандидат для избрания туда Вицын. Также горой встали за своего коллегу — Заслуженного работника Высшей школы, известного профессора и «светила юридической науки» — представители правового научного сообщества... Благодаря всем этим заступникам, в течение полугода, пока Сафронов и Лошадёнков сидели в СИЗО, Жихарев находился под подпиской о невыезде, продолжал учить слушателей Высшей школы милиции, выставлять им оценки по профилактике преступлений и правонарушений. Сазонов, представляя этого типа вещающим на кафедре, начинал свирепеть от праведной злости, ибо уже самим фактом своей безнаказанности Жихарев сбивал молодых правоохранителей с пути истинного.

Однажды Сазонов поделился своими грустными размышлениями со следователем Мартышиным, и они вдвоём разработали простой, но достаточно эффективный план задержания Жихарева и доставки его в следственный изолятор.

Сазонов лично, одну за другой, через определённый промежуток времени отвёз три повестки, обязывающие полковника милиции Жихарева явиться на допрос в Генеральную прокуратуру, и опустил их в почтовый ящик в подъезде его дома. При этом Сазонову по данным «наружки» было известно, что жил Жихарев на своей подмосковной даче.

Он не заглядывал на квартиру, где, согласно подписке о невыезде, должен был проживать, и ни разу на допрос не явился. Тогда Сазонов вместе с майорами Андреем и Сергеем приехал к нему на дачу и объявил, что Жихарев задержан как злостный нарушитель установленных правил. Прямо с дачи его и повезли в «Лефортово», благо сумка с необходимыми вещами у Жихарева была с собой.

По дороге Сазонов вспомнил, как первый раз проводили обыск в рабочем кабинете полковника милиции, в его квартире и в личном автомобиле. Ничего криминального тогда не нашли. Но в багажнике его машины обнаружили сумку с комплектом вещей, необходимых арестованному. Сазонов тогда рискнул и из школы милиции поехал к Жихареву на квартиру в его машине. Следователь и оперативники двигались за ними на другой.

Грузный, мрачного вида Жихарев, точная копия гоголевского Ноздрёва, вёл свою иномарку по МКАДу на большой скорости, и у Сазонова даже возникла тревожная мысль: а не поступит ли полковник как японский камикадзе: «Действительно, что ему стоит резко вывернуть руль и бросить машину под какой-нибудь грузовик? Тогда и ему, и мне — крышка!». Но он старался свою тревогу не показывать и всю дорогу пытался завести с Жихаревым откровенный разговор.

— Евгений Семёнович, а на какие деньги вы такую дорогую машину купили? — спросил Сазонов.

— Во «Властелине» выиграл, пока её хозяйка Соловьёва в бега не подалась... Вот бы вы, чекисты, кого следует ловили, а не честных сотрудников задерживали... — зло буркнул в ответ Жихарев.

Сазонов кивнул:

— Поймаем и Соловьёву... Только скажите мне, Евгений Семёнович, если вы считаете себя честным сотрудником, зачем в багажнике автомобиля сумку с «комплектom арестанта» возите?.. Значит, всё-таки грехи за собой чувствуете?

— У нас в России от суммы и от тюрьмы никто за речья не может...

— Так, может быть, лучше вам самому явиться с повинной, пока не поздно?

Жихарев помрачнел ещё больше:

— Мне раскаяться не в чем! Я будущих сотрудников милиции учу, как воров и мошенников ловить! Я этому делу всю свою жизнь посвятил!

Сазонов такого лицемерия вынести не мог:

— Если вы чему и учите молодых людей, то только тому, как обходить закон и крышевать преступников... Евгений Семёнович, ну как с таким грузом жить? Вы же доктор наук, профессор, а помогаете разваливать уголовные дела...

— Я просто помогаю людям избежать милицейского беспредела! Меня просят помочь, найти честного милиционера в РОВД. Я им даю телефон сотрудника — и всё!

Сазонов отлично знал, что дело обстояло иначе. Жихарев находил среди своих слушателей детей милицейских начальников, вызывал их к себе на кафедру и, заводя речь о хорошей оценке на зачёте или экзамене, просил позвонить отцу или матери, чтобы помогли Сафронову... Родители для чад своих и рады были стараться.

— Это всё и называется коррупция, товарищ полковник милиции!

На этот раз задержанный Жихарев сидел в машине молча и до самого «Лефортово» не проронил ни слова, только перед заходом в СИЗО глянул на Сазонова с ненавистью и сказал как отрезал:

— Надоел ты мне, подполковник. Ужо возьмусь я за тебя...

Сазонов вспомнил про найденный под диваном в квартире Жихарева грязный носок и усмехнулся: мол, ну-ну, давай берись...

Хотя поволноваться ему следовало бы: «ответка» вполне могла прилететь — уж больно в высоких эмпиреях обитал этот «буревестник вербовочный».

Сазонову в последнее время всё чаще приходилось заниматься высокопоставленными чинами... Голова кругом шла от того, в какие высокие кабинеты проникла коррупция.

По делу «Барин», которое майоры Андрей и Сергей вели под его чутким руководством, проходили генерал Боронин — прокурор Кунцевского района Москвы, полковник из спецпрокуратуры в подмосковном ЗАТО и сотрудник из воронежской Конторы. Они приторговывали редкими и редкоземельными металлами, изъятыми как вещественные доказательства по другому делу. «Бизнес» оказался весьма выгодным: один грамм осмия на чёрном рынке стоил шестьдесят тысяч «зелёных»... Так что обогатились подельники на значительные суммы. Задержание и обыски прошли одновременно в Воронеже и в Москве. Чтобы избежать утечки, каждая из оперативно-следственных групп получила запечатанные конверты с заданием непосредственно в утро реализации. Сазонов вместе с «важняком» из Генпрокуратуры участвовал в обыске московской квартиры Боронина. В столе генерала Сазонов нашел три па-

спорта на «Жигули» новой модели и передал их старшему следственной группы, предложив тут же осмотреть гараж генерала.

— В этом гараже нет света... — уклончиво сказал старший следственной группы. — Завтра рассветёт и посмотрим, что у него там...

Наутро провели обыск в гараже и ничего не обнаружили, да и найденные Сазоновым паспорта на машины из вещдоков за ночь куда-то пропали...

Можно было бы поднять скандал, но Сазонов этого делать не стал — не захотел ссориться с Генеральной прокуратурой. Ему по делу Сатрапа предстояло ещё продолжить работу с бригадой следователей под руководством Рогожникава...

И с такими условностями приходилось сталкиваться ему постоянно.

Одна из знакомых Сазонову судей Ирина Васильевна, у которой он подписывал очередное постановление на «прослушку» и которой при этом посоветовал на коррумпированность, царящую в юридической среде, прямо сказала ему:

— Вы, Михаил Иванович, человек в системе случайный, многого не понимаете...

— Как это случайный? — искренне возмутился Сазонов. — Два десятка лет уже в органах: служил в военной контрразведке, потом пришёл на Лубянку...

Ирина Васильевна рассмеялась:

— Вот-вот, я и говорю, что случайный: из военной контрразведки пришёл на Лубянку... Да у вас в Москве ни рода ни племени, ни знакомых, ни покровителей! А мы все тут родились, учились в одних и тех же институтах, много лет варимся в одном котле, как наши отцы и матери... Теперь уже дети у всех есть, у некоторых и внуки. И они здесь учатся, и им здесь надо будет работать... Понимаете, о чём я речь веду?

— Понимаю... — отозвался Сазонов. Он на своей шкуре уже убедился с какой многоголовой гидрой ему пришлось столкнуться, в том числе и в мире судей...

Заместитель председателя Солнцевского межмуниципального суда Ильиных взял деньги от Коротких и способствовал изменению наказания уголовнику Ашунину. Коротких во время явки с повинной дала показания, что передала судье Ильиных один миллион триста тысяч рублей за то, чтобы в суде было вынесено решение, не связанное с содержанием Ашунина под стражей... Коротких сообщила также, что по просьбе Сафронова обращалась к Ильиных по делу подсудимого Романова, для назначения ему минимально возможного наказания, и Ильиных за десять миллионов рублей согласился решить этот вопрос. В марте 1994 года она передала судье ещё тысячу долларов США за вынесение нужного приговора подсудимым Бодрову и Басариеву...

Казалось бы, всё очевидно — взяточничество и коррупция налицо. Но возбудить дело против судьи мог только Генеральный прокурор, да и то — с разрешения высшей квалификационной коллегии судей. Но Генерального прокурора никак не могли назначить — его обязанности временно исполнял то один, то другой. Сазонов с ног сбился, пытаясь сдвинуть дело с мёртвой точки, а представители Генеральной прокуратуры не хотели обращаться в высшую квалификационную коллегию судей, боясь испортить отношения с судебным ведомством, с которым «им ещё работать».

Устав обивать пороги, Сазонов сам написал обращение в судебную коллегию от лица руководства ФСК. Судебная коллегия, после очередной длительной проволочки, всё же вызвала на своё заседание Ильиных, а он просто проигнорировал приглашение и не явился. Уголовное дело против Ильиных (ведь без возбуждения дела ни о какой легальной оперативно-розыскной деятельности против судьи и помышлять было нельзя) всё-таки было возбуждено исполняющим обязанности Генерального прокурора Ильющенко, но спустя полтора месяца прекращено новым Генеральным прокурором под предлогом, что «прослушка» судьи не дала необходимых результатов. Да и какие результаты она могла дать, если Ильиных знал, что его слушают, и всех знакомых, звонивших ему, сразу же предупредил об этом...

В результате Коротких испугалась и от своих прежних показаний отказалась и даже заявила, что умышленно оговорила судью, добавив к своим деяниям ещё и оговор. А взяточник и коррупционер Ильиных продолжил и дальше безнаказанно вершить своё «правосудие» с криминальным душком...

Тут уж, как говорится, куда ни кинь, всюду — клин. С одной стороны, межведомственные коррупционные связи, с другой — жалобы во все инстанции арестованных подельников Сатрапа и недовольство руководства Конторы, которому приходится на эти жалобы как-то реагировать. С третьей — контрмеры высокопоставленных друзей арестованных коррупционеров, их попытки развалить доказательную базу, повлиять на свидетелей. Эти друзья начали контратаки на оперативников и участников следственной группы. Возбудили уголовное дело против следователя Владимира Михайловича Гуженкова — человека, по мнению Сазонова, кристально честного и преданного делу, к тому же тяжело и безнадежно больного... Всё это не только било по рукам. От такого впору было и вовсе руки опустить!

И тут пришла подмога оттуда, откуда Сазонов, при всём своём богатом воображении, даже не ждал.

Она пришла от того человека, которого вот уже несколько лет он мысленно, да и вслух, клял и винил во всём, что случилось с его страной, с его родной Конторой и с ним самим...

— Пляши, Миша! — как-то утром сказал Виктор Леонардович, помахивая перед его носом бумагой с уголовным штемпелем ФСК и отметкой Администрации Президента Российской Федерации. Поперёк страницы шла размашистая резолюция, написанная красными чернилами...

— Что такое, товарищ полковник? Ну, не томите, дайте посмотреть...

Виктор Леонардович с лучезарной, так ему несвойственной, улыбкой протянул Сазонову бумагу:

— Вот тебе, Миша, индульгенция на все случаи жизни... Сам визу наложил... Считай, что теперь у тебя козырный туз в рукаве на все случаи жизни имеется!

Сазонов пробежал глазами заголовок «Информационная записка о деле по разоблачению коррупции в среде сотрудников правоохранительных органов». В тексте упоминались фамилии Сафронова, Жихарева, Лошадёнка, внизу — подпись директора ФСК... Но главное — резолюция: «Дело довести до конца! Ельцин».

4

Конец девяносто четвёртого года и начало девяносто пятого остались в памяти Сазонова как время смутное, тёмное и продажное. Отмеченное влиянием двух вроде бы противоречащих друг другу тенденций, но если хорошо подумать, то вытекающих одна из другой: война в Чечне и связанные с ней экономические и социальные процессы. В этот период произошли серьёзные перемены и в общественном сознании, и в деятельности специальных служб, обеспечивающих государственную безопасность.

Эти очередные общественные сдвиги обернулись для Сазонова чувством неудовлетворённости собой и всем происходящим. Ощущение неотвратимости глобальных перемен рождало желание поменять что-то самому. Родись он поэтом, непременно воскликнул бы по-пушкински: «им одолело беспокойство, охота к перемене мест», но Сазонову было вовсе не до стихов...

Ножом по сердцу резанула начавшаяся кровавая война в Чечне. Эта бойня вызревала исподволь. Она стала ярким свидетельством неспособности людей, оказавшихся у власти, спрогнозировать ситуацию, на политическом уровне разрешить конфликт с мятежной республикой. Чечне сначала дали «суверенитета, сколько смогла проглотить», оставили все скла-